

Глава 51. Открыть сердце*

* 剖心 (pōu xīn) — букв. «рассечь сердце». В китайской культуре этот образ символизирует предельную искренность, готовность открыть свою душу или принести жертву ради правды и верности. Отсылает к легенде о Би Гане — министре династии Шан, которому тиран приказал вырезать сердце за смелость говорить правду.

Посреди ночи Лу Хуэй почувствовал, как что-то тяжёлое легло на него, — и мгновенно вырвался из сна.

Он резко открыл глаза. В нос ударил тонкий аромат геля для душа, смешанный с запахом кожи Мин Чжаолиня. Этот запах, сам по себе острый и опасный, как лезвие морозного ветра, парадоксальным образом принёс ему невольное облегчение.

Но вот что странно.

Мин Чжаолинь.

Положил на него свою железную, невероятно мускулистую руку. :)

Она была чертовски тяжёлой.

На миг Лу Хуэю почудилось, что он снова в том далёком прошлом, спит вместе с ребёнком, который во сне переворачивается и наваливается на него всем телом.

И оттолкнуть-то некрасиво.

В отношении Мин Чжаолиня — особенно.

Он боялся, что, если сбросит эту руку, тот проснётся. И тогда будет неловко.

К тому же...

Это было странно трогательно.

Лу Хуэй повернул голову. Рядом на его подушке спал Мин Чжаолинь, чьё прекрасное, но

опасное лицо оказалось слишком близко. Его присутствие давило, заставляло голову кружиться. Даже в полумраке, где городские огни и лунный свет сплетались в тусклом свечении, каждая черта этого лица проступала с пугающей отчётливостью.

Более того — в таком свете оно казалось ещё более ошеломляющим.

Лу Хуэй смотрел на него несколько секунд, пока его мысли не вернулись в русло.

Странно... Мин Чжаолинь спит так крепко. Он ведь никогда не прописывал, чтобы Мин Чжаолинь вообще мог выспаться... Почему же сегодня он спал так сладко? Неужели раны в инстансе деревни Цзюаньлоу выбили его из колеи? Пусть тело и исцеляется после выхода, душевная усталость остаётся настоящей. Иначе бы они не легли так рано.

Лу Хуэй и не особенно переживал по поводу руки Мин Чжаолиня, лежащей на нём. Он снова закрыл глаза.

Тело его лежало как мёртвое — распластанное на спине, под тяжестью чужой руки, прижатой к его плечам, животу, даже рёбрам. Но голова была повёрнута в сторону Мин Чжаолиня.

Он слышал ровное, неглубокое дыхание Мин Чжаолиня, чувствовал чуть уловимое движение воздуха — и от этого его начинало клонить в сон.

Неизвестно почему, но Лу Хуэй заснул куда крепче.

И увидел сон.

Сон был беспорядочным, как водоворот.

Сначала ему снилось, что та самая фигурка-неваляшка сломалась, и он стал искать, кто мог бы её починить. Как-то так получилось, что он пошёл к Чэн Фэю, но тот сказал, что не справится. Тогда Инь Цзя усмехнулась и бросила: «Бесполезный». Лу Хуэй в слезах побежал искать кого-то ещё — и каким-то образом наткнулся на Мин Чжаолиня.

Мин Чжаолинь спросил, почему он плачет. Лу Хуэй ответил, что сломалась его любимая игрушка. А потом понеслась какая-то чушь.

Во сне Мин Чжаолинь ни капельки не раздражался. Он был так ласков, что рядом с ним хотелось быть слабым.

Он присел рядом и сказал, что починит. Взял сломанную игрушку, и в следующий миг у него в руках уже была новая. Но теперь это была не та же неваляшка «Фу Вава» — это была неваляшка в виде самого Мин Чжаолиня.

Лу Хуэю это не понравилось, не устроило — и игрушка в его руке обратилась в нож, который пронзил горло Мин Чжаолиня.

Но даже тогда тот смотрел на него по-прежнему с нежностью. Только волосы его вдруг превратились в бесчисленные щупальца, обвившие Лу Хуэя, и задушившие его.

Лу Хуэй резко проснулся.

Каждый раз, пробуждаясь от кошмара, он сохранял безмятежное лицо — словно он просто проспался, а не вырвался из ужасного сна.

Он заметил, что кровать рядом пуста. Повернул голову — и правда, никого. Знакомая планировка спальни, пусть и уже изрядно потёртая в памяти, вдруг вызвала у него странное ощущение дежавю.

На миг Лу Хуэй подумал, а не сон ли всё это, что он переживает?

Но в тот момент, когда он, с расшатанным разумом, начал приподниматься, в спальне появился Мин Чжаолинь.

Тот не постучал. Просто открыл дверь. На нём была всё та же домашняя одежда, что и ночью: чёрная свободная футболка. Несмотря на покрой, она подчёркивала его фигуру, придавая образу глубины — совсем не так, как его чёрный «боевой костюм» для инстансов. Тот вызывал ощущение хищной ярости, а эта простая одежда...

Впрочем, — подумал Лу Хуэй, — Мин Чжаолинь в чём угодно хорош. Я же сам сделал его «вешалкой для одежды» в своём мире.

Лу Хуэй беззвучно выдохнул, возвращаясь к реальности: «.....».

Но он не знал, с чего начать.

И всё из-за того проклятого сна.

Мин Чжаолинь молча стоял, облокотившись о дверной косяк.

Мин Чжаолинь провел утро в глубоких раздумьях, пытаясь понять, как он умудрился во сне прижаться к Цзюнь Чаоманю. Хуже всего было то, что виноват был исключительно он сам. Лу Хуэй спал как младенец, ровно и спокойно, а Мин Чжаолинь тем временем активно осваивал его пространство: делил подушку, наваливался плечом и даже использовал его как подставку для ноги.

Проснувшись, он долго не мог понять: почему, чёрт возьми, он вдруг обнимал Цзюнь Чаоманя? Для него самого это было чем-то из области фантастики.

И неизвестно ещё, заметил ли это Цзюнь Чаомань.

Тем не менее...

Мин Чжаолинь незаметно провёл языком по острым клыкам.

Обнимать Цзюнь Чаоманя было... не так уж плохо. Главное — он сам не испытывал отвращения к физическому контакту с ним. На таком близком расстоянии, без привычной агрессии и скрытых мотивов, как в инстансах, Мин Чжаолинь отчётливо ощущал особый запах Цзюнь Чаоманя. Среди всех, кого он встречал — будь то игроки или NPC — у него был самый приятный аромат.

...Единственный, который ему нравился.

Они молча смотрели друг на друга, пока Лу Хуэй не нарушил тишину:

— Что случилось?

Раз Мин Чжаолинь встал первым, Лу Хуэй решил сделать вид, что прошлой ночи не было. Говорить об этом вслух — всё равно что поджечь мост, по которому сам же идёшь. Ведь смутить Мин Чжаолиня — значит лишь усугубить и без того неловкую ситуацию.

Ему и так было неловко. Раньше на нём спали дети, но то было давно, да и сам он тогда был ребёнком. А теперь — два взрослых мужчины, прижавшихся друг к другу во сне... Вчера он был слишком уставшим, чтобы думать, но сейчас... Лучше забыть.

Мин Чжаолинь его не провоцировал. Все их прошлые разногласия Лу Хуэй давно списал со счетов, а последние слова того в инстансе деревни Цзюаньлоу... Да, они заделали за живое.

Из уважения к тем словам Лу Хуэй объявил сегодняшний день «днём мира».

— Ничего. — ответил Мин Чжаолинь, кивнув на его волосы, — Просто у тебя волосы торчком.

Лу Хуэй: «.....»

— Ты мог бы не обращать внимания. Это пугает.

Мин Чжаолинь приподнял бровь. Его расслабленная улыбка стала ехидной, заставив Лу Хуэя

насторожиться. Спустив ноги на пол, он предупредил:

— День мира только начался. Не вздумай всё испортить.

— Когда ты его объявил?

— Только что. В голове.

«.....»

Мин Чжаолинь фыркнул, но промолчал.

После умывания Лу Хуэй обнаружил на столе завтрак. Скромничать не стал — и так ясно, что Мин Чжаолинь не ждал его к трапезе. В Утопии еда не портилась и не остывала. Горячие сяолунбао* и мясные булочки**, соевое молоко*** и цзяньбин**** — идеально для этого времени.

* 小籠包 (xiǎolóngbāo) — Маленькие паровые пельмени с бульоном внутри, обычно с начинкой из свинины.

** 肉包 / 包子 (ròu bāozi) — Пышные паровые булочки с начинкой из рубленого мяса (чаще свинины). Не содержат жидкости, в отличие от сяолунбао.

*** 豆漿 (dòujiāng) — Напиток из перетёртых и сваренных соевых бобов. В Китае часто подают горячим на завтрак — сладким или солёным.

**** 煎餅 (jiānbǐng) — Уличная лепёшка-блин: тонкое тесто, яйцо, хрустящий крекер (бавань), зелёный лук, соусы. Очень популярный завтрак в северном Китае.

Лу Хуэй, запихивая в рот пельмень за пельменем, пробормотал:

— Хочу ещё креветочных.

* 小籠包 (xiǎolóngbāo) — Полупрозрачные пельмени на пару из рисовой муки с начинкой из рубленых креветок. Чаще всего подаются в димсам (кантонской чайной традиции), но могут быть и в других завтраках. Их форма напоминает полумесяц, кожура — гладкая и слегка пружинистая.

Мин Чжаолинь бросил на него взгляд. Лу Хуэй сложил ладони:

— Ну пожалуйста!

«.....»

В итоге он их всё-таки заказал.

Довольный, Лу Хуэй наконец глянул на телефон. Хотя время в Утопии не влияло на старение, цифры на экране имитировали реальный мир — сейчас было десять утра. Он давно не спал так долго, ведь обычно его будил любой шорох.

Зевая, он вспомнил:

— Обменяемся контактами?

Мин Чжаолинь согласился.

— Кстати, я твой первый друг в списке, да? — улыбнулся Лу Хуэй. Он ведь создал Мин Чжаолиня человеком, который никогда не делился своими данными — для него это уже было проявлением близости. Узами, связывающими души.

Иногда Лу Хуэй восхищался этой чистотой в его персонаже. Ему это в нём нравилось.

— Второй, — поправил Мин Чжаолинь.

— Что? — Лу Хуэй округлил глаза. — Ты добавил кого-то ещё?

— Системного друга. — Мин Чжаолинь показал экран, — «Система».

Лу Хуэй не сдержал смеха.

Мин Чжаолинь почувствовал, как на губах заиграла улыбка. Он вдруг осознал, что Цзюнь Чаомань не только в пылу сражения способен развеселить. Его привычная, словно запечатанная под несколькими слоями кожи, маска всегда вызывала острое желание сорвать ее, обнажив истинное лицо.

После обеда пришло сообщение от Яо Хаохао, в котором говорилось, что Вэнь Юаньшуй ищет их и хочет поговорить с Лу Хуэем. Тот сразу понял, что тот хочет объединиться в группу. Но Лу Хуэй не любил Вэнь Юаньшуя. Да, он часто писал о нём, объективно описывая его сильные стороны, но вживую... Его характер был ему противен. Слишком скользкий.

Именно поэтому Лу Хуэй сделал так, чтобы Мин Чжаолинь в романе тоже его недолюбливал.

Его главный герой должен разделять его взгляды!

Он ответил Яо Хаохао четырьмя словами:

[Всё отклоняю. Не обсуждается.]

Стоило Лу Хуэю отправить сообщение, как свет, льющийся из окна, резко вспыхнул яркими переливами. Они с Мин Чжаолинем обернулись и увидели за панорамным стеклом не привычное небо, а мерцающие потоки света — не дешёвые дискотечные вспышки, а настоящее северное сияние. От этой красоты перехватывало дыхание.

Лу Хуэй однажды видел полярное сияние в реальности. Оно казалось ему преддверием конца — мира или собственной жизни. В тот миг он чувствовал, будто на него снизошло просветление.

Поэтому в его мире сигналом начала «Турнира на повышение» служило именно оно.

Его голос слился с системным оповещением:

— Турнир начался.

[Уважаемые игроки, добрый день! Регистрация на Турнир на повышение ранга в «Игре Ужаса» откроется через 34:24:22 по времени Утопии. Регистрация продлится 96 часов. По истечении этого срока канал регистрации будет закрыт. Участники получают расписание и правила турнира сразу после регистрации. Через пять минут после успешной регистрации игроки будут перемещены в инстанс]

[Данный турнир проводится для отбора игроков, допущенных в Парящий Город. Подробности — в правилах]

[Решение об участии остаётся за игроком]

[Кроме того, в честь 18-летия «Игры Ужаса» и приближения 19-летия в отдельных инстансах будут разыграны призы: «Купоны желаний»]

[Описание «Купона желаний»: игрок, получивший его, может загадать одно единственное желание. Например: «Я хочу стать красивее» или «Я хочу разбогатеть». Запрещено объединять два желания в одно («Я хочу быть красивым и богатым»). При нарушении этого правила «Купон желаний» аннулируется. Игрок также вправе пожелать покинуть игровой мир или закрыть «Игру Ужаса»]

Ресницы Мин Чжаолиня дрогнули. Его зрачки потемнели, смешав опасность с азартом:

— «Купон желаний»...

Если заполучить его — можно узнать подлинную историю своего происхождения.

Он перевёл взгляд на Лу Хуэя. Тот даже не удивился.

Мин Чжаолинь мгновенно забыл о собственном происхождении. Он впился глазами в Лу Хуэя:

— А-Мань, ты совсем не удивлён.

— Конечно. — Лу Хуэй слегка улыбнулся. — Я же говорил, мои знания этого мира превосходят твои представления. К тому же... как думаешь, зачем я пересоздал аккаунт?

«Купон желаний».

В Турнире могут участвовать только они. Игроки ядра — нет!

Лу Хуэй ради «Купона желаний»... Неужели он правда пересоздал аккаунт из-за него?

Но в глубине души Мин Чжаолинь чувствовал, что дело не в этом.

Это отличный предлог для Цзюнь Чаоманя продолжать плести паутину лжи... Не так ли?

Мин Чжаолинь едва заметно приподнял уголки губ. Не сказав, верит он или нет, он спросил:

— А если купон достанется тебе... что ты загадаешь?

Он не ждал откровений, но Лу Хуэй ответил без тени сомнения:

— Я хочу выйти отсюда.

Интуиция подсказала Мин Чжаолиню, что Цзюнь Чаомань не лжёт.

Тот усмехнулся:

— Значит, я не дам тебе получить этот «Купон желаний».

Лу Хуэй: «?»

— Зачем тебе это? — недоумённо спросил он.

Мин Чжаолинь лишь приподнял бровь, криво усмехнулся и замолчал. Холод в его глазах Лу Хуэя ничуть не смутил. Он ткнул Мин Чжаолиня локтем в бок и выпалил:

— Колись.

Тот наконец ответил, будто обсуждал погоду:

— У меня с самого начала было ощущение, что я принадлежу этому миру.

Он взглянул на Лу Хуэя, и тот, встретившись с его спокойным взглядом, на миг подумал: если бы мир не дописывал за него детали — это, вероятно, был первый раз, когда Мин Чжаолинь действительно раскрывал душу.

Нет... второй.

Первый был у входа в деревню Цзюаньюлоу.

Мин Чжаолинь казался равнодушным, но Лу Хуэй знал, что он говорит всерьёз.

— В отличие от других... я создан для этого игрового мира.

Лу Хуэй: «.....»

Он не нашёлся, что ответить.

Ведь... во всём виноват он сам.

Лу Хуэй опустил глаза и отвернулся к окну.

С этой высоты открывался вид почти на всю Утопию. Да и была она небольшой, по меркам обычного мира.

Всего в «Игре Ужаса» участвовало порядка нескольких десятков тысяч человек.

В пределах пятизначного числа.

Судя по характеру, который он всё это время демонстрировал Мин Чжаолиню, логично было

бы хмыкнуть и сказать: «Так ты хочешь, чтобы я остался здесь ради твоего развлечения?»

Он даже прикинул, с каким выражением это сказать.

Но, будто пружина, пережавшая предел, он не смог выдать ни слова.

Повисло молчание. Мин Чжаолин, однако, не смутился и просо сменил тему:

— Тебе так важно выйти? На то есть причины?

— ...Мне не нравится проходить инстансы. — честно признался Лу Хуэй. — И этот мир... он мне не по душе.

Они с Мин Чжаолинем... абсолютно разные.

Лу Хуэй даже отказался от прежней лжи, которую наплёл Мин Чжаолиню о том, что хорош в убийствах:

— Я ненавижу убивать. И ещё больше ненавижу, когда меня заставляют это делать.

Даже если жертва — всего лишь NPC, по ночам его всё равно трясёт от воспоминаний.

Он был воспитан в обществе, где закон и пять добродетелей являются основополагающими принципами. И как же ему, в таких условиях, стать профессиональным убийцей подобно персонажу из кинофильма?

Мин Чжаолин приподнял бровь:

— Сегодня день откровений?

И после паузы добавил:

— Но ты отлично держишься в бою.

Не так, как Чжу Люй и прочие, кто тратит игровую валюту на боевые навыки. В движениях Лу Хуэя чувствовалась основа — закалённое с детства тело.

— ...В детстве я выступал в цирке. — не моргнув, ответил Лу Хуэй, пожимая плечами. — Тогда и получил базу... Приходилось прыгать через кольца, как Нечжа*.

Мин Чжаолинь склонил голову:

— Нечжа?

— Мифический юноша. — терпеливо пояснил Лу Хуэй, — Носится по небу на огненных колёсах, плащ его соткан из утренних облаков, а тело — возрождённое из лотоса, после того как он сам разрушил свою плоть. У него три лица и шесть рук. Я его обожал.

* Нечжа (кит. trad. 哪吒, упр. 哪吒, пиньинь: Nézhā) — один из самых известных персонажей китайской мифологии и даосского пантеона. Он представляет собой божественного ребёнка-героя, обладающего сверхъестественными способностями, и часто изображается как защитник справедливости и борец со злом.

Он всегда тянулся ко всему могущественному.

— А потом? — Мин Чжаолинь явно заинтересовался.

— Потом меня забрали в детдом. Государство начало борьбу с детским трудом — оказалось, я был «нелегальным артистом». — Лу Хуэй говорил без запинки. — Там меня усыновила одна семья. Я пошёл в школу, стал помощником полицейского...

Он упёрся подбородком в ладонь:

— А потом оказался здесь.

И с горечью добавил:

— Так и не успев послужить стране.

Мин Чжаолинь едва заметно усмехнулся — явно не веря:

— А-Мань, если уж врать, то с душой.

— Я не лгу. — Лу Хуэй развел руками.

— Какое именно предложение — правда?

— М-м... — Лу Хуэй уклончиво пожал плечами. — В общем-то всё верно.

В ответ Мин Чжаолинь лишь коротко фыркнул.

Ночью они снова спали на одной кровати. Лу Хуэй мысленно восхищался Мин Чжаолинем.

Тот наверняка знал, что во сне прижимается к нему, но всё равно не гнал на диван... Неужели из-за того, как сладко спится в тишине?

Лу Хуэй лежал с закрытыми глазами, думая, что понимает его.

Сам он ведь тоже мечтал оказаться в доме Мин Чжаолиня — здесь царила такая тишина. Пусть иногда ночью на него падала чья-то тяжёлая рука, но это мелочь.

Лишь тот, кто годами не высыпался, знает, как бесценен полноценный сон.

Пусть он запомнит, что я живой. — молился Лу Хуэй в темноте. — Может тогда в следующем инстансе он не станет нападать на меня в первые же секунды... Зачем такие сложности? Можно ведь просто идти вместе, держась за руки, как друзья.

Но на этот раз, когда Мин Чжаолинь снова перекинул руку через Лу Хуэя, и закинул на него ногу — тот не проснулся.

Во сне ему лишь почудилось, что на него давит что-то тяжёлое.

Словно камень на листке бумаги, не дающий ветру унести его в неизвестность.

<http://bllate.org/book/12898/1327141>